

*На правах рукописи*

ГАРУСОВА Елена Владимировна

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ПОЗИЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА  
КАК ПРИЧИНА ВАРИАТИВНОСТИ ПЕРЕВОДА

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое  
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Тверь – 2007

Работа выполнена на кафедре теории языка и межкультурной коммуникации в ГОУ ВПО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор  
Галеева Наталья Леонидовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор  
Крюкова Наталья Федоровна  
кандидат филологических наук, профессор  
Провоторов Валерий Иванович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Защита состоится « \_\_\_ » \_\_\_\_\_ 200\_ года в \_\_\_ час. \_\_\_ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 42.

Автореферат разослан « \_\_\_ » \_\_\_\_\_ 200\_ г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета Д 212.263.03  
кандидат филологических наук, доцент

Маскадыня В.Н.

Реферируемое диссертационное исследование выполнено в рамках деятельностного подхода и посвящено рассмотрению переводческих позиций как одной из причин вариативности перевода, а также изучению вариативности перевода как следствия интерпретации оригинала переводчиком: оригинал всегда один, а переводов бывает много.

*Объектом* исследования являются интерпретативные позиции переводчика в деятельности, а также обусловленные ими изменения, которые возникают в тексте перевода.

*Предметом* исследования является вариативность перевода, определяющая переводческие позиции.

Под *переводческой позицией* мы понимаем осознанную либо предзаданную заказчиком перевода установку переводчика на создание определенного перевода, в большей или меньшей степени соответствующего оригиналу.

Под *вариативностью* понимается параллельное сосуществование нескольких вариантов перевода одного и того же текста, выполненных с точки зрения различных переводческих позиций.

*Актуальность* данного исследования обусловлена необходимостью объяснения причин существования различных переводов одного и того же текста в принимающей культуре, а также установления критериев для сравнения различных переводов. Понятие «переводческая позиция» позволяет привлечь во внимание многочисленные лингвокультурологические обстоятельства и избежать аксиологической категоричности при оценке переводов.

*Научную новизну* настоящего исследования мы усматриваем в том, что впервые вводится понятие «переводческая позиция» как инструмент для объяснения и обоснования вариативности перевода как переводческой универсалии. Это позволяет отказаться от трактовки перевода как стремления к идеалу «эквивалентности», когда все переводы рассматривались как большее или меньшее приближение к оригиналу. Вследствие этого впервые предметом исследования стала вариативность перевода, которая рассматривается с точки зрения явной и отрефлектированной переводческой позиции. Исследование вариативности перевода производится не с аксиологической точки зрения, а как проявление вариативности позиций переводчика в деятельности, обусловленное различными социокультурными и интерпретативными обстоятельствами.

*Цели* данного исследования – выявление и типологизация на деятельностном основании переводческих позиций, определяющих вариативность перевода.

В связи с поставленной целью в работе решаются следующие *задачи*:

- рассмотреть «эквивалентность» как основное понятие лингвистической теории перевода;

- изучить лингвокультурологические теории перевода с точки зрения объяснения причин вариативности перевода;
- описать вариативность перевода как переводческую универсалию;
- установить состав и характер наиболее типичных переводческих позиций в литературном переводе;
- произвести типологизацию основных переводческих позиций на основании ориентации перевода на передающую или на принимающую культуру;
- верифицировать полученную типологию на примере переводов поэзии Р. Бернса.

*Теоретической основой* работы послужили исследования, посвященные разработке понятия «эквивалентность» (В.Н. Комиссаров, А. Попович, Л.К. Латышев, А.Д. Швейцер, В.С. Виноградов, Р. Миньяр-Белоручев, И. Левый, E. Nida, C. Ross, O. Kade, J. Catford, M.A.K. Halliday, A. Neubert); работы, посвященные вопросам вариативности перевода и выполненные в рамках лингвокультурологического подхода к переводу (Б. Хохел, А. Попович, A. Lefevere, L. Venuti, G. Toury, J. House, P. Newmark, J. Munday, S. Bassnett, A. Chesterman); работы представителей Тверской герменевтической школы (Г.И. Богин, Н.Л. Галеева, Н.Ф. Крюкова, А.А. Богатырев, В.М. Жигалина, Н.В. Павлова).

*Материалом исследования* являются стихотворные тексты И. Гете, Р. Саути, А. Поупа, Р. Киплинга, Т. Мура, Д.Г. Байрона, Э. По, Д. Маллета, роман Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд» и их переводы на русский язык, выполненные различными авторами. Верификация результатов исследования производится с помощью анализа стихотворений Р. Бернса (117 стихотворений) и 280 переводов их на русский язык.

Выбор материала определяется тем, что указанные тексты имеют в культуре репутацию классических, которая определяется, в том числе, большим количеством переводов, что влияет на отношение к тексту и в исходной культуре.

*На защиту выносятся следующие положения.*

1. Понятие «эквивалентность», используемое в лингвистической теории перевода, рассматривает перевод с точки зрения приближения к оригиналу и не позволяет описать и изучить случаи содержательных расхождений оригинала и перевода, которые «выпадают» из переводческой проблематики. Для преодоления этой теоретической лакуны предлагается понятие «переводческая позиция», описывающее значительные содержательные расхождения оригинала и перевода.
2. Различия переводов культурозначимых литературных текстов обусловлены интерпретативной позицией переводчика, в свою очередь определяемой заказчиками перевода, социокультурными обстоя-

ствами, а также собственной интерпретативной установкой переводчика.

3. В основании типологии переводческих позиций лежит ориентация перевода на передающую или принимающую культуру.
4. В большинстве рассмотренных переводов доминирует ориентация на принимающую культуру, что приводит к «переписыванию» перевода с использованием следующих переводческих позиций: модернизации, идеологизации, натурализации, адаптации и смысловой девиации.
5. Различие переводческих позиций приводит к вариативности перевода, которая в случае культурозначимых текстов, подлежащих многократному воспроизведению в переводе, является переводческой универсалией.
6. Верификация выделенных позиций с использованием переводов текстов Р. Бернса на русский язык позволила подтвердить наличие большинства из выявленных переводческих позиций, а именно: экзотизации, модернизации, идеологизации, натурализации, адаптации и смысловой девиации.

*Теоретическая значимость* работы связана с введением понятия «переводческая позиция», с разработкой типологии переводческих позиций, с показом того, что вариативность перевода является универсалией, не проблематизированной в переводческой науке. Все это позволяет по-новому взглянуть на сущностные проблемы художественного перевода и существенно дополнить научное представление о них в лингвокультурологическом аспекте.

*Практическая значимость* проведенного исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в лекционных курсах и спецкурсах по теории перевода, теории межкультурной коммуникации, могут использоваться в практике преподавания перевода, редактировании и критике перевода, в практической переводческой деятельности.

*Апробация* результатов исследования осуществлена на межвузовской конференции «Актуальные проблемы экономических и социогуманитарных наук» (МФТИ, Тверь, 15 – 17 апреля 2004 г.), на межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы профессиональной компетенции в языковом обучении» (ТвГУ, Тверь, 14 – 15 апреля 2005 г.), на II международной конференции «Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации» (Ульяновский Государственный Технический Университет, Ульяновск, 20 – 22 апреля 2006 г.). По теме диссертации опубликовано 10 статей общим объемом 3,8 п.л., из них одна работа опубликована в рецензируемом издании.

Цели и задачи проведенного исследования определили объем и структуру работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложения.

## СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются базовая парадигма исследования, его актуальность и новизна, анализируются существующие подходы к проблеме вариативности перевода.

В первой главе «Смена переводческих парадигм как уточнение приоритетов переводческой деятельности» рассмотрены две основные переводческие тенденции «буквализм» и «вольность», а также представлены различные подходы к проблеме адекватности и эквивалентности, предложенные как зарубежными, так и отечественными учеными.

Динамику двух основных переводческих тенденций «буквализм» и «вольность» можно суммировать следующим образом: оппозиция «буквальный/вольный» перевод поочередно доминировала в одном из своих компонентов. Св. Иероним, автор «Вульгаты», говорил о «духе» перевода, имея в виду «боговдохновенность» текста. Впоследствии эта метафора стала употребляться в отношении светского перевода, оправдывая его вольность: «дух» свободен и не предполагает формального соответствия оригиналу, т.е. тексты не обязаны буквально копировать оригинал или в точности соответствовать ему. Метафора Св. Иеронима, который говорил о «духовном» в сакральном тексте, стала использоваться в ином смысле, став семантически пустой, поскольку «дух» текста представляет такой конструкт, который можно наполнить практически любым содержанием.

В XVII в. для описания перевода Д. Драйден предложил триаду: парафраз, метафраз, имитация, что ознаменовало попытки дать более систематическое и полное определение тенденций перевода, которые не сводятся к буквализму и вольности. Триадность сама по себе предполагает вариативность, а сам Драйден отдавал предпочтение «парафразу», цель которого состоит в передаче смысла текста. Еще в 1813 г. Ф. Шлейермахер обратил внимание на то, что перевод неизбежно ориентируется либо на принимающую, либо на передающую культуру, отдавая однозначное предпочтение ориентации на передающую культуру. Ф. Шлейермахер считал, что переводчик должен переводить на немецкий так, чтобы у читателя после прочтения перевода возникло такое же впечатление, как у немецкого читателя от прочтения оригинала на родном языке [Schleiermacher 1813]. Положение об ориентации перевода либо на передающую, либо на принимающую культуру взято нами за основу типологизации переводческих позиций.

Оппозиция «буквальный/вольный» в ее современном представлении, охватывающем не только лингвистические, но и социокультурные и лингвокультурологические обстоятельства, сформулирована А. Лефевром как «translatio/traductio» [Lefevere 1998]. «Трансляция» (translatio) как точное воспроизведение элементов исходного текста и «традукция» (traductio) как свободное воспроизведение текста, доходящее до «переписывания», а так-

же культурный перенос необходимых элементов оригинала в культуру перевода являются крайними точками переводческих возможностей. Это положение также обосновывает вариативность переводческой деятельности.

На основании анализа текстов перевода, а также различных подходов к переводу, мы установили, что возможность появления и равноправного существования в принимающей культуре нескольких вариантов перевода за счет различных интерпретаций переводчиками текста оригинала является универсалией переводческой деятельности. Нами это положение доказывается во второй и третьей главах исследования на материале переводов, созданных до XIX в., когда оригинал не «фетишизировался», а понятие «эквивалентность» еще не стало доминирующим в переводческой деятельности.

Во втором параграфе рассмотрены понятия «адекватность» и «эквивалентность», а также лингвистические теории эквивалентности, где они являются центральными.

Введение Ю. Найдой понятия «формальная эквивалентность» фактически ознаменовало бурное развитие лингвистической теории эквивалентности, которая до сих пор преобладает в отечественной теории перевода. Понятие «динамическая эквивалентность» (Ю. Найда), с другой стороны, дало основу для лингвокультурологических теорий эквивалентности, которые развиваются преимущественно за рубежом в рамках направления «Translation Studies» (J. Holmes, A. Lefevere).

С лингвистической точки зрения понятие «эквивалентность» рассматривали В.Н. Комиссаров, А. Попович, А.Д. Швейцер, В.С. Виноградов, Р. Миньяр-Белоручев, И. Левый и О. Каде.

Лингвистическая теория перевода, основы которой были заложены Ю. Найдой, сконцентрировавшись на «формальной эквивалентности», не учитывает динамической составляющей теории Ю. Найды. По этой причине понятие «эквивалентность» в рамках лингвистической теории перевода становится слишком жестким, рассматривая перевод как различную меру приближения к оригиналу (см. теорию «уровней эквивалентности» В.Н. Комиссарова). При этом не вполне учитываются культурологические факторы, и предпочтительным оказывается тот вариант перевода, который наиболее близок к идеалу. За пределами интереса лингвистической теории остается множество переводов, которые с точки зрения формальной эквивалентности не смогли к нему приблизиться. Тот факт, что переводчики не всегда стремились достичь эквивалентности, намеренно создавая «другой» текст, в рамках этой парадигмы выступает как своего рода переводческая «ересь».

Следует отметить, что в качестве основания для суждения об эквивалентности в лингвистической теории перевода всегда принимался оригинал. Однако отношение к оригиналу как к «священному» тексту, заложенное переводами сакральных текстов, существовало далеко не всегда, и

практически отсутствовало в светском переводе. Отношение к оригиналу как к побудительному основанию для интерпретационной деятельности на его основе было распространено не менее широко вплоть до XX в. и введения авторского права, что дало основание для вариативности переводов.

В третьем параграфе рассмотрены лингвокультурологические теории эквивалентности. В этом ракурсе выполнены работы таких исследователей, как А. Нойберт, Ю. Найда, М.А.К. Хэллидей, С. Росс, Г. Егер, Дж. Кэтфорд, Дж. Хаус, Г. Тури, А. Лефевр.

Лингвокультурологическая теория перевода позволяет учитывать не только языковые, но и социокультурные факторы, которые оказывают значительное влияние на перевод. Сам по себе учет этих равнозначимых факторов допускает более широкий подход к эквивалентности, в рамках которого возможна разная мера вариативности перевода. С этой точки зрения наиболее убедительным является подход А. Лефевра, который говорит о переводе как «переписывании» (rewriting).

Во второй главе «Переводческие позиции в деятельности» рассмотрены причины вариативности перевода, введены и определены понятия «переводческая позиция» и «вариативность» перевода, представлена типология переводческих позиций, основанная на предпосылке о том, что переводы всегда ориентированы либо на передающую, либо на принимающую культуру.

*Вариативность* перевода в данном исследовании рассматривается как следствие явных и отрефлектированных переводческих позиций.

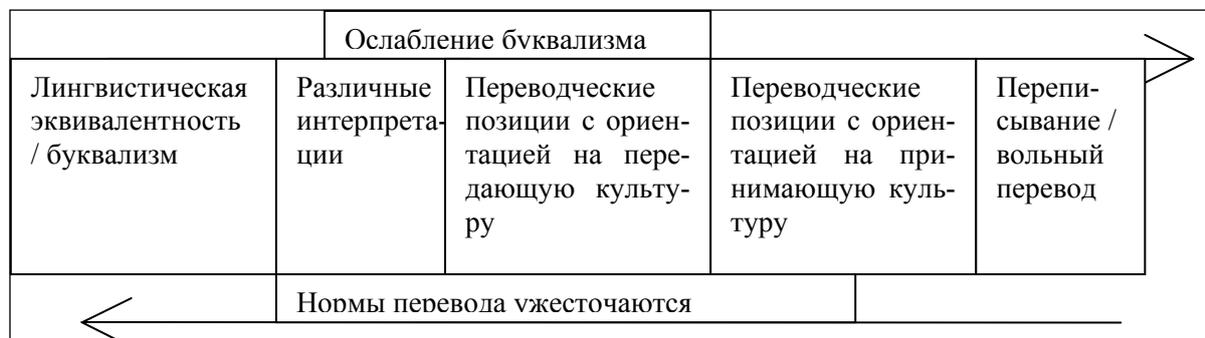
Вариативность перевода в этом отношении может быть обусловлена двумя основными причинами: 1) различиями в интерпретации и понимании смыслов оригинала переводчиком; 2) явленной и осознанной переводческой позицией, когда переводчик намеренно изменяет, добавляет или опускает какие-либо смыслы.

Объектом нашего исследования являются *переводческие позиции*, а также обусловленные ими изменения в тексте перевода. Случаи «ущербного», «неполного», «недостаточного» понимания, приводящие к «неудачным переводческим решениям» (В.М. Жигалина) нами не рассматриваются.

Крайние точки вариативности перевода можно схематически обобщить в виде шкалы, крайними точками которой являются буквальный перевод и вольный перевод или в терминологии А. Лефевра «переписывание» (rewriting). Между этими крайними полюсами размещаются различные интерпретации текста оригинала и различные переводческие позиции, ориентированные на передающую или принимающую культуру.

Крайним проявлением переводческой позиции может считаться перевод как «переписывание». В этом случае перевод допускает различные изменения по отношению к тексту оригинала. Вплоть до XX в. именно такой подход характеризовал переводческую деятельность, которая оказалась «упущенной» в лингвистической теории перевода. «Эквивалентность»

как мера «точности» перевода не позволяет выработать однозначного отношения к переводческой практике, так как эквивалентность не предполагает и практически не допускает вариативности перевода. Мы обобщили переводческие возможности в виде следующей схемы:



Хотя некоторые ученые (Б. Хохел [1988] и А. Попович [1980]) говорили об изменениях в переводе по отношению к оригиналу, в частности об экзотизации, натурализации, историзации, они рассматривали их как «локальные» изменения, характерные только для конкретных текстов и не применимые к переводу художественных текстов в целом.

Регулярность и рекуррентность изменений перевода по отношению к оригиналу дает основание для создания *типологии переводческих позиций*, причем ее типологический характер обусловлен тем, что в ее основание положен сущностный критерий: ориентация перевода на «встраивание» в культуру перевода или на передачу особенностей культуры оригинала, то есть, с одной стороны, ориентация на передающую культуру, или, с другой стороны, ориентация на оригинал. Нами эти базовые тенденции перевода рассматриваются как определяющие характер перевода и предоставляющие основание для дальнейшей типологизации позиций переводчика. Из этих базовых переводческих тенденций вытекают все ниже перечисленные переводческие позиции.

**I. Ориентация на передающую культуру** (ориентация на оригинал – source culture). Об ориентации на *исходную культуру* говорит Ф. Шлейермахер, считая, что переводы с разных языков должны быть разными: перевод с немецкого должен звучать как перевод с немецкого – он обогащает принимающую культуру «немецким содержанием» и способами выражения. Здесь мы выделяем следующие позиции, которые были выявлены при рассмотрении ряда примеров переводов культурозначимых текстов.

#### 1. Позиция экзотизации.

В качестве примера *экзотизации* при переводе рассмотрим перевод стихотворения Р. Киплинга «The Gipsy Trail» (переводчик В. Дымшиц). Слово «patteran» В. Дымшиц переводит транслитерацией. Поскольку оно непонятно русскому читателю в комментарии дается объяснение: «патеран – знаки, пучки травы или листьев, которыми цыгане отмечают свой путь». Такие экзотизмы делают перевод трудным для восприятия читателями

принимающей культуры. Сравним этот перевод со ставшим классическим «Так вперед за цыганской звездой кочевой» (Г. Кружков). В переводе Г. Кружков избегает экзотизмов, поэтому слово «patteran» он переводит как «цыганская кочевая звезда».

|  |   |  |
|--|---|--|
| Follow the Romany <i>patteran</i>              | <b>Перевод В. Дымшица</b>                                 | <b>Перевод Г. Кружкова</b>                                   |
| North where the blue bergs sail.               | Пусть ведет тебя по свету <i>знак-патеран</i>             | Так вперед! – за цыганской звездой кочевой –                 |
| Follow the Romany <i>patteran</i>              | На Север, к плавучим льдам                                | К синим айсбергам стылых морей.                              |
| Sheer to the Austral light                     | Пусть ведет тебя по свету <i>знак-патеран</i>             | Так вперед! – за цыганской звездой кочевой –                 |
| Where the besom of God is the wild South wind, | Курсом на сполохи Юга                                     | До ревущих южных широт                                       |
| Sweeping the sea floors white                  | Где господней метлой метет по морям<br>Дикая южная вьюга. | Где свирепая буря, как Божья метла,<br>Океанскую пыль метет. |

2. *Позиция историзации*, т.е. перевод звучит «сейчас» как «тогда», намеренная архаизация старых текстов.

В качестве примера *историзации* текста перевода можно рассмотреть перевод 66-го сонета В. Шекспира (переводчик О. Румер). Перевод, выполненный в 1947 г., звучит как русский текст в эпоху Шекспира. О. Румер архаизирует его за счет использования устаревших слов. Чтобы добиться такого эффекта О. Румер использует устаревшие слова: «в холе» (*устар.*); «достойный муж» (*устар.*); «краса» (*устар.*).

|   |   |
|---|---|
| Tired with all these, for restful death I cry,<br>As, to behold Desert a beggar born,<br>And needy Nothing trimm'd in jollity | Я смерть зову, глядеть не в силах боле,<br>Как гибнет в нищете <i>достойный муж</i> ,<br>А негодяй живет в <i>красе</i> и <i>холе</i> |
|---|---|

Отметим, что в рассмотренных текстах таких позиций меньшинство. Большинство переводов выполнены с ориентацией на принимающую культуру.

## II. Ориентация на принимающую культуру (target culture):

1. *Позиция модернизации* – перевод текстов другой эпохи «как сейчас», осовременивание текста.

В качестве примера *модернизации* текста перевода можно рассмотреть перевод 66-го сонета В. Шекспира, выполненный Б. Пастернаком (1940 г.).

|  |   |
|--|---|
| Tired with all these, for restful death I cry,<br>As, to behold Desert a beggar born,<br>And needy Nothing trimm'd in jollity,<br>And purest Faith unhappily forsworn,<br>And gilded Honour shamefully misplaced | Измучась всем, я умереть хочу.<br><i>Тоска</i> смотреть, как <i>мается</i> бедняк,<br>И как <i>шутя</i> живет богачу,<br>И доверять, и <i>попадать впросак</i> ,<br>И наблюдать, как наглость <i>лезет в свет</i> . |
|--|---|

Цель переводчика – перевести таким образом, чтобы перевод звучал так, как будто и оригинал был написан «здесь и сейчас», осовременивая его. Б. Пастернак снижает регистр и использует не устаревшие, а разговорные слова: «тоска» (*разг.*); «маяться» (*прост.*); «шутя» (*разг.*); «попадать впросак» (*разг.*); «лезть в свет» (*разг.*).

2. *Идеологическая позиция*, т.е. изменения, связанные с политической, религиозной и т.п. конъюнктурой.

Примером перевода, в который вносятся идеологические изменения, может служить вольный перевод баллады Р. Саути «Старуха из Беркли», выполненный В.А. Жуковским в 1814 г. Баллада была запрещена цензурой в 1815 г. Так как цензура запретила ему выражать несогласие с православной церковью, В.А. Жуковский выполнил еще один перевод, изданный в 1849 г., в который внесены идеологические изменения. В этом переводе сатана не «дерзнул войти в Божий храм» и «ждал пред дверью» в отличие от первого перевода, в котором он входит в храм и храм превращается в «раскаленную печь». Таким образом, во втором переводе появляется противоположный первоначальному варианту смысл: победа церкви над дьяволом. В первоначальном варианте, также как и в оригинале говорится о победе сатаны.

And in he came with eyes of flame  
The devil to fetch the dead,  
And all the church with his presence glowed  
Like a fierce furnace red.

И он предстал весь в пламени очам,  
Свирепый, мрачный, разъяренный;  
Но не дерзнул войти он в Божий храм  
И ждал пред дверью раздробленной.

3. *Позиция натурализации*, т.е. снятие особенностей оригинала, «выпячивание» своего, переписывание с точки зрения норм принимающей культуры (баллада переводится как былина).

И. Введенский *натурализирует* перевод романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд» (1850 г.) для русскоязычного читателя, внося в перевод значительные изменения, которые были выделены нами курсивом, а те фразы, которые вообще отсутствуют в оригинале, мы выделили подчеркиванием.

«No, no! please!» cried Dora, with a kiss, «don't be a naughty Blue Beard! Don't be *serious!*»

Secondly, that something peculiar in the temperature of my pantry, made the *brandy* bottles burst.

НѢт, нѢт! Пожалуйста, - воскликнула Дора, цѢлуя меня в лобь. – Не будь же таким *бирюкомъ*. Ты вѢдь не Синяя Борода, Доди!

Во-вторыхъ, атмосфера моего чулана заключала въ сѢбе ту особенность, что въ ней откупоривались сами собою пробки отъ моихъ бутылокъ съ водкой, отчего и сама водка испарялась въ нихъ съ удивительною быстротою.

В переводе И. Введенского Дора называет мужа «бирюком» – «неудимый и угрюмый человек», это типично русское слово, имеющее в словаре помету «разг., ирон.», а в оригинале этому соответствует нейтральное слово «serious». В оригинале у героя в чулане стоят бутылки с «brandy», а И. Введенский переводит это как «водка».

#### 4. *Адаптационная позиция*:

- поэтическая переводческая позиция (разновидность адаптации).

В качестве примера *адаптации* оригинала при переводе можно рассмотреть стихотворение Т. Мура «Paradise and the Peri» и его перевод, выполненный В.А. Жуковским «Пери и ангел». Поэма Т. Мура «Paradise and

the Peri» представляет собой одну из поэм из его произведения «Lalla Rookh».

|   |  |
|---|--|
| The gates of Light beheld her weeping,<br>And as he nearer drew and listened<br>To her sad song, a tear-drop glistened<br>Within his eyelids, like the spray. | И быстрые потоки слез бежали по ланитам Пери.<br>Но Ангел ее прискорбную узрел;<br>Он к ней с утехой подлетел;<br>Он вслушался в ее стенанья, слезой блеснули очеса... |
|---|--|

В.А. Жуковский сгладил восточную экзотику оригинала, придал поэме сентиментально-романтическую окраску, которой не было в оригинале и которая свойственна произведениям самого В.А. Жуковского, а также *адаптировал* поэму для русских читателей. В.А. Жуковский использует слова, известные современному ему русскому читателю: «ланиты»; «потоки слез»; «прискорбный»; «очеса»; «узреть»; «утеха»; «стенанья», которые сейчас являются устаревшими.

#### 5. Позиция смысловой девиации:

- *наращивание смысла.*

В качестве примера *наращивания смысла* в переводе можно рассмотреть перевод стихотворения А. Поупа «From Eloisa to Abelard», выполненный В.А. Жуковским.

|   |  |
|---|--|
| Why rove my thoughts beyond this last<br>retreat?<br>And Eloisa yet must kiss the name. | Где, умиленная, над хладными гробами,<br>Где вера в тишине святые слезы льет<br>В переводе В. А. Жуковского эта строка отсутствует полностью |
|---|--|

В.А. Жуковский смягчает страсть послания Элоизы, и усиливает его религиозность, поскольку иное было недопустимо в современной ему культуре. Для описания монастырской жизни Элоизы он прибавил «умиление над хладными гробами», «святые слезы веры в тишине».

- *Добавление новых смыслов.*

В качестве примера *добавления новых смыслов* в переводе можно рассмотреть перевод стихотворения Д.Г. Байрона «The Prisoner of Chillon», выполненный В.А. Жуковским. В.А. Жуковский притушил вольнолюбивый дух поэмы, и усилил в ней религиозные мотивы. Более того, при переводе VIII-ой строфы религиозные мотивы появляются там, где они полностью отсутствуют в оригинале. В.А. Жуковский вводит образ злодея «с свирепой дикостью в чертах», который перед смертью раскаивается в своих страшных грехах. Все эти смыслы полностью отсутствуют в оригинале, т. е. можно говорить о *добавлении* в переводе новых смыслов.

|   |  |
|---|--|
| VIII. But these were horrors – this was woe<br>Unmixed with such – but sure and slow:<br>He faded, and so calm and meek,<br>So softly worn, so sweetly weak,<br>So tearless, yet so tender – kind,<br>And grieved for those he left behind. | VIII. Я зрел, как издыхал злодей<br>С свирепой дикостью в чертах,<br>С богохуленьем на устах,<br>Пока их смерть не заперла:<br>Но там был страх – здесь скорбь была,<br>Болезнь глубокая души. |
|---|--|

- *Романтизация перевода (переписывание).*

В качестве примера *романтизации* перевода рассмотрим стихотворение Э. По «The Bells» и его перевод, выполненный К. Бальмонтом. В первой части перевода К. Бальмонта «Колокольчики и колокола» колокольный звон предвещает не радость и веселье, как в оригинале, а «наслаждение, сладостное томленье», т.е., привнесены типично романтические мотивы. К. Бальмонт использует характерную для произведений романтиков высокую лексику: «сладостный» (*устар.*), «забвенье» (*книжн.*), «обаянье» (*высок.*). Можно предположить, что К. Бальмонт занимает *позицию романтизации* в связи с собственными установками и позициями – он известный романтический поэт и все его тексты, становятся романтическими.

What a world a merriment their melody foretells!  
With a crystalline delight.

Серебристым легким звоном слух наш *сладостно томят*,  
Этим пенем и гуденьем о *забвенье* говорят.  
Что волшебно *наслажденье* – наслажденье нежным сном.

- *Пародирование в переводе (переписывание).*

Рассмотрим пример *пародирования* в переводе: парафраз стихотворения Э. По «The Raven», выполненный А. Вознесенским (поэма «Оза»). А. Вознесенский берет из оригинала форму, которая отсылает к исходному тексту. Комический эффект создается в том числе за счет узнавания формы исходного текста и полной замены его содержания.

Once upon a midnight dreary, while I pondered, weak and weary, Over many a quaint and curious volume of forgotten lore - While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping, As of some one gently rapping, rapping at my chamber door. «Tis some visitor,» I muttered, «tapping at my chamber door - Only this and nothing more.»

В час отлива возле чайной  
я лежал в ночи печальной,  
говорил друзьям об Озе и *величьи бытия*.  
Но внезапно чёрный ворон примешался к разговорам,  
вспыхнув синими *очами*, он сказал: «А на *фига?!*»  
Я вскричал: «Мне жаль вас, птица,  
человеком вам родиться б, и *царем* быть, и *рабом*....»

В поэме А. Вознесенского «Оза» используется разговорная лексика, сниженная лексика: «да на фига» (*прост., разг.*), «стервоза» (*прост., бран.*), и т.д. Лексика сниженного стиля соседствует с лексикой высокого стиля: «раб» (*перен., книжн.*), «царь» (*устар., книжн.*), «величие» (*высок.*), «бытие» (*книжн.*), «очи» (*устар.*), «хула» (*устар., книжн.*). Тем самым создается комический эффект. Все эти слова автор использует иронически. Контраст сниженной и высокой лексики позволяет автору добиться иронического эффекта. Все стихотворение построено на контрасте и оксюмороне: лирический герой беседует с друзьями о величии бытия «в час отлива возле чайной», в конце вдруг называет ворона «подонком», хочет спорить о «величии бытия». Вместо «never more» повторяется «да на фига». Таким образом, пародируются многочисленные переводы общеизвестного текста, что можно рассматривать как разновидность переводческой позиции смысловой девиации – переписывания.

В третьей главе «Переводческие позиции в переводах поэзии Р. Бернса» описанные во второй главе переводческие позиции верифицированы на примере переводов поэзии Р. Бернса. Для этого были проанализи-

рованы стихотворения Р. Бернса и различные их переводы на русский язык. Выбор практического материала объясняется тем, что переводами стихотворений Р. Бернса в разное время занимались различные переводчики: С. Маршак, О. Сенковский, В. Жуковский, Т. Щепкина-Куперник, И. Козлов, С. Петров, О. Чюмина, М. Михайлов, В. Курочкин, В. Костомаров, В. Федотов и т.д., т.е. можно предположить, что в многочисленных переводах широко представлены рассмотренные переводческие позиции.

Было проанализировано 117 стихотворений Р. Бернса и 280 их переводов. Выявлено 18 случаев проявления переводческих позиций. При анализе стихотворений Р. Бернса и его переводов нами было выявлено только два примера переводческих позиций с *ориентацией на передающую культуру*, так как переводы в основном встраиваются в принимающую культуру и адаптируются для её читателей. Это объясняется тем, что в стихотворениях Р. Бернса встречается много диалектизмов и просторечных слов, которые сложно передать в переводе. Таким образом, подтверждается вывод о преобладании в переводе ориентации на принимающую культуру.

В большинстве рассмотренных случаев переводчики пытаются так или иначе *натурализовать* (3 случая) или *адаптировать* (4 случая) перевод для читателей принимающей культуры, сделать его более близким русскоязычным читателям, снять трудности понимания (реалии, названия и имена, трудные для восприятия и понимания).

Рассмотрим пример *натурализации* как позиции, доминирующей при переводе стихотворений Р. Бернса. Для этого сравним стихотворение Р. Бернса «John Barleycorn» и два перевода на русский язык (О. Сенковского и С. Маршака). В основе стихотворения Р. Бернса лежат народные поверья о веселых духах, которые живут в зернах, покидают их во время молотбы, зимуют в хлебных амбарах, а весной снова возвращаются в поля, чтобы вдохнуть жизнь и радость в созревающее зерно, поэтому стихотворение Р. Бернса веселое и динамичное. Основной смысл стихотворения Р. Бернса – «веселость», «игра». Ритм стихотворения убыстренный, что делает его динамичным, веселым.

There was three kings into the east,  
Three kings both great and high,  
And they hae sworn a solemn oath  
John Barleycorn should die.

**Перевод О. Сенковского**

Были три царя на Востоке,  
Три *царя* сильных и великих;  
Поклялись они, *бусурманы*,  
Известь *Ивана Ерофеича Хлебное-*  
*зернышко*

**Перевод С. Маршака**

Трех королей разгневал он  
И было решено,  
Что навсегда погибнет Джон  
Ячменное Зерно.

Следует отметить, что в переводе С. Маршака передан авторский замысел – смысл стихотворения «веселость», «игра». Ритм стихотворения убыстренный, что делает его очень динамичным, веселым, сохранен двусложный размер, С. Маршак, также как и Р. Бернс употребляет короткую, высокочастотную лексику.

О. Сенковский занимает при переводе стихотворения Р. Бернса переводческую позицию *натурализации*, меняя жанр на исконно русский.

Шотландская баллада в переводе стала русской былинной, а шотландский крестьянин превратился в русского мужика. В соответствии с изменившейся стилистикой короли стали царями, но не русскими, а «бусурманскими», то есть иноверческими, чужими. Изменяется также стиль стихотворения. Стихотворение в переводе О. Сенковского утрачивает свою живость, жизнерадостность, не свойственную былинам, где имеется эпическое прославление героев. Таким образом, в этом переводе утрачен авторский смысл – «веселость», «игра», а, напротив, стихотворение приобретает эпические черты.

В переводах поэзии Р. Бернса рассмотренные нами позиция историзации, поэтическая позиция, позиция смысловой девиации (наращивание смысла, пародирование) не встретились.

Таким образом, наличие явленных переводческих позиций верифицировано нами на практическом материале разных переводов текстов одного автора. Возможно, при выборе другого практического материала или при сопоставлении переводов одного и того же оригинала на разные языки и в разные эпохи, спектр представленных в этих переводах позиций получился бы несколько иным, однако задачи нашего исследования представляются выполненными, а цель достигнутой.

Результаты анализа рассмотренного в третьей главе практического материала можно обобщить в виде сводной таблицы, отражающей общие тенденции при переводе стихотворений Р. Бернса:

|                                |  |   |
|--------------------------------|--|---|
| <b>Переводческие тенденции</b> | Ориентация на передающую культуру (2 случая) | Ориентация на принимающую культуру (16 случаев)   |
| <b>Переводческие позиции</b>   | Позиция экзотизации (2 случая)               | Позиция модернизации (1 случай)   |
|                                |  | Идеологическая позиция (1 случай)   |
|                                | Позиция историзации (не выявлено)            | Позиция натурализации (3 случая)  |
|                                |  | Адаптационная позиция (4 случая)<br>а) поэтическая позиция (не выявлено)  |
|                                |  | Позиция смысловой девиации:<br>а) наращивание смысла (не выявлено);<br>б) добавление новых смыслов (4 случая);<br>в) позиция романтизации (3 случая);<br>г) позиция пародирования оригинала – не выявлено |

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы его дальнейшего развития.

В списке литературы приводится цитируемая в диссертации литература на русском и иностранных языках (133 источника).

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

А. В рецензируемом научном журнале.

1. Гарусова Е.В. «Буквализм» и «вольность» как основная переводческая оппозиция // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. – Вып. 1. – С. 149–153.

Б. Другие публикации.

2. Гарусова Е.В. Переводческие позиции как одна из причин вариативности перевода // Язык и его функционирование. Межкультурная коммуникация. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – С. 24–31.
3. Гарусова Е.В. Адаптационная переводческая позиция // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – С. 46–51.
4. Гарусова Е.В. Переводческие позиции как одна из причин вариативности в деятельности переводчика // Материалы межвузовской конференции. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – С. 25–26.
5. Гарусова Е.В. Вариативность перевода произведений Э. По в зависимости от переводческой позиции // Проблемы профессиональной компетенции в языковом обучении. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – С. 61–68.
6. Гарусова Е.В. Переводческая позиция смысловой девиации // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – С. 73–80.
7. Гарусова Е.В. Вариативность перевода произведений Р. Бернса в зависимости от переводческой позиции // Язык и текст в парадигме науки и культуры: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – С. 20–26.
8. Гарусова Е.В. Лингвокультурологические теории эквивалентности // Язык и его функционирование в межкультурной коммуникации: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – С. 22–30.
9. Гарусова Е.В. Пародирование оригинала в переводе // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. – Вып. 3 – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – С. 186–191.
10. Гарусова Е.В. Переводческие позиции как способ оптимизации переводческой деятельности // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: Сб. науч. статей. – Ульяновск: Ульяновский гос. техн. ун-т, 2006. – С. 57–59.